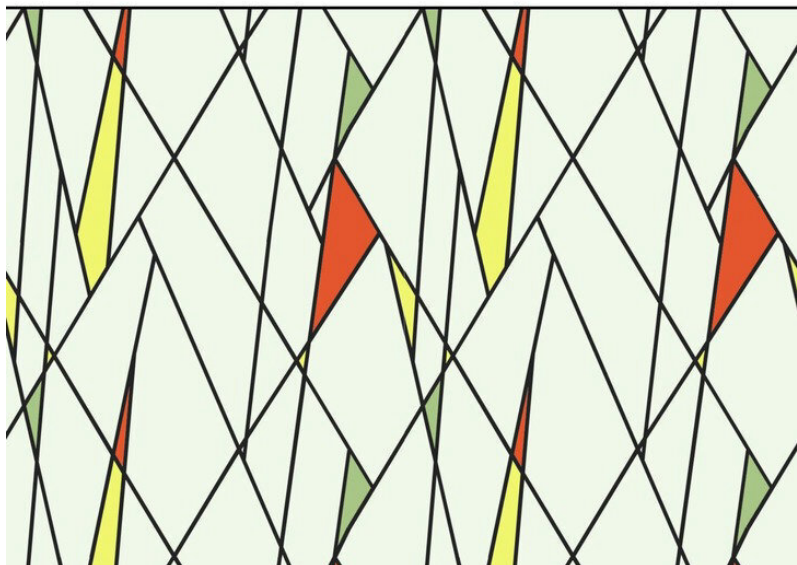

18+ Конкурс имморт-фантастики
КИФ-2

Время утекает

Наталья Сажина

Время утекает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65903035

ISBN 9785005505125

Аннотация

В сборник вошли рассказы, которые участвовали во втором конкурсе имморт-фантастики. Конкурсы имморт-фантастики собирают светлые и добрые рассказы.

Содержание

Дмитрий Хатуцкий, «ПУТЕШЕСТВЕННИКИ»	5
Евгений Вальс, «МАЖОРНАЯ ПЕСНЯ ЦИКАДЫ»	15
Инна Подзорова, «САМОЕ ДОРОГОЕ»	19
Margaret Ruan, «БЕССМЕРТИЕ БЫЛО СЛАДКИМ»	24
Николай Кадыков, «ТЕЧЁТ РЕКА»	28
Деймас Рэд, «СОГРЕТЬ МИР В ЛАДОНЯХ РАЗУМА»	33
Мария Будава, «ПРОТЕЧКА»	39
Ирина Брестер, «КЛЮЧИ ОТ ВРЕМЕНИ»	44
Екатерина Талыкова, «ИЗ ПЕТЛИ»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Время утекает

Составитель Наталья Сажина

ISBN 978-5-0055-0512-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дмитрий Хатуцкий, «ПУТЕШЕСТВЕННИКИ»

Я выдохнул и нажал на кнопку дверного звонка. Почти сразу дверь распахнулась, Алиса расплылась в улыбке:

– Капитан! Я уж думала, ты улетишь, не попрощавшись. Заходи, все на кухне.

Макс – муж и по совместительству коллега Алисы – был облачен в фартук и что-то усердно нарезал. Увидев меня, он вытер руки о полотенце, висевшее на его плече, и протянул мне ладонь:

– Привет, кэп!

Я пожал его руку и, пробежав взглядом по столешнице, за которой орудовал Макс, удивленно спросил:

– Это что, оладьи на ужин?

Макс поднял указательный палец и уточнил:

– Оладьи с фруктами! Да, это моя расплата за проигранный спор. Видишь, какой Роб довольный? – он кивнул в угол кухни и вернулся к нашинковке.

Я обернулся и только сейчас заметил Роберта. Он неподвижно сидел в кресле и смотрел на меня чуть ли не с благоговением. Понятное дело, к нему домой пришел капитан собственной персоной. От взгляда этого мальчишки сердце неприятно защемило, что-то мне подсказывало, что в конце

вечера он будет на меня смотреть совсем другими глазами.

Я подошел к нему и, насколько мог, весело сказал:

– Привет, Роб!

Он вскочил и робко пожал мою протянутую руку:

– Здравствуйте, капитан Эдвард!

Я улыбнулся:

– Ты меня, конечно, не помнишь, но вообще то мы с тобой уже знакомы. Двенадцать лет назад, сразу после твоего рождения, на этой самой кухне я уже жал твою руку и просил называть меня «дядя Эд». Так что имей в виду, для тебя я просто «Эд», а никакой не «капитан Эдвард», договорились?

Мальчишка засиял и хотел что-то ответить, но в этот момент на кухню вернулась Алиса с бутылкой шампанского в руке, которую сразу сунула мне:

– Открой, а то у меня маникюр.

Я взял бутылку и, машинально откручивая проволоку, неожиданно для самого себя брякнул:

– Вика беременна.

– Да ладно?! – восторженно воскликнула Алиса. – Как здорово...

И тут она осеклась. Судя по тому, что Макс выронил нож, он тоже всё понял. Медленно повернувшись, он посмотрел на меня. Его лицо было совершенно белым. Я не выдержал его взгляд и отвел глаза. Набравшись храбрости, взглянул на Алису. Ее лицо выражало один только ужас. Я тихо сказал:

– У меня нет выбора.

Мы вчетвером сидели за столом в полном молчании. Роб напряженно вглядывался в непроницаемые лица родителей, не понимая, отчего они так резко переменялись. Иногда он с подозрением поглядывал на меня. Как же в эти моменты мне хотелось уйти, оставить в покое эту семью, но выбора действительно не было. Пять кораблей, пять экипажей, десять специалистов основного состава – по два на экипаж – и десять запасных. Все шло по плану, и за семнадцать лет подготовки из программы выбыли только четверо ключевых участников, но последний месяц оказался чрезвычайно богатым на случайности, последняя из которых произошла с Викой. Без Вики и ее мужа у нас осталось всего восемь специалистов. Выбора не было.

Я нарушил напряженную тишину:

– Роб что-нибудь знает о программе?

Алиса вышла из оцепенения и тихо ответила:

– Ничего... Эд, давай лучше ты.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на Роберта. Он сидел напротив меня совершенно сбитый с толку. Я спросил его:

– Роб, ты знаешь, над чем работают твои родители?

Он на секунду задумался, потом неуверенно ответил:

– Настраивают оборудование для полета.

– Это правда. А цель полета тебе известна?

Роб пожал плечами:

– Исследования?

Я покачал головой:

– Исследования были завершены давным-давно машинами. Мы прекрасно знаем, куда и зачем летим. Пять планет, которые только и ждут, когда мы на них заселимся.

Глаза Роба распахнулись в восторге:

– На них можно жить? А они большие?

Конечно, какую ещё реакцию могла вызвать эта новость? Представьте группу людей, идущих по пустыни, у которых иссякают последние крохи воды. И вдруг откуда-то из-за очередной дюны один из них кричит, что нашёл колодец. Что у него тут-же спросят? «Есть ли в колодце вода?», «Много ли её?». Да, Роб, не переживай, воды хватит на всех. Я ответил:

– На них точно можно жить, а самая маленькая из этих планет намного больше нашей Земли.

Тут лицо Роба выразило непонимание:

– А почему тогда мы все не летим? Или хотя бы половина?

Я вздохнул.

– Видишь ли, эти планеты очень далеко. Большие корабли медлительны, у них на полет до ближайшей из этих планет уйдет больше четырех сотен лет.

Роберт нахмурился:

– Зачем нам тогда эти планеты, если мы не можем на них перелететь?

– На самом деле можем. Как бы объяснить... Ты знаешь, что такое морские течения?

– Да... что-то вроде рек внутри морей, – он хитро прищурился, – что, в космосе тоже есть «космические» реки?

Я кивнул:

– Почти, – брови мальчика удивленно поднялись, – только они намного быстрее морских течений и намного опаснее. Оседлав такое течение, ты на самом медленном корабле оказался бы у новой планеты за секунду.

– Ого! – вырвалось у Роба, его глаза снова горели.

– Да, – подтвердил я, – но попасть в такое течение не просто. А еще сложнее выбраться. К тому же дело осложняется тем, что подобных «течений» в космосе довольно много, и они иногда пересекаются. Неправильно повернешь на таком перекрестке, и поминай как звали.

– А рулить в этом течении можно?

Я пожал плечами:

– Возможно, когда-нибудь научимся.

Роб озадаченно посмотрел мне в глаза:

– Но как же тогда пользоваться этими течениями?

Я облокотился на стол, приблизившись к мальчику:

– Мы можем на перекрестках построить специальные станции. Вроде как съезды с автомагистрали, или... – я запнулся, пытаюсь подобрать более подходящее сравнение.

– Станции метро? – подсказал Роб.

– Точно! – я одобрительно кивнул. – Как станции метро. С той лишь разницей, что с каждой станции можно будет уехать только в одну сторону – по течению. Так вот, ученые

смогли отследить эти течения и составить кольцевой маршрут таким образом, чтобы каждый перекресток оказался около планеты, пригодной для жизни.

– Значит, вы летите строить эти станции?

– Да, – севшим голосом ответил я. Сердце снова кольнуло – мы приближались к цели нашего разговора.

– А их долго строить?

– Чуть больше пяти лет с момента посадки на новую планету.

– Так долго?!

Я усмехнулся:

– На самом деле это очень быстро. Дело в том, что мы не можем увезти с собой разобранный станцию, а по прилету просто ее собрать – она слишком большая, не поместилась бы даже на двадцать наших кораблей.

Роб непонимающе спросил:

– А как же вы соберете станцию, если ее не из чего собирать?

– Как только корабль совершит посадку, за дело возьмутся машины, над которыми работали твои родители. Одни машины начнут добывать разные материалы, другие – собирать из этих материалов новые машины, и так далее, пока у нас не окажется достаточно материалов и машин для постройки станции. Нам останется только руководить ими и вовремя ремонтировать.

Роберт восхищенно посмотрел на родителей, а я, сглот-

нужно, продолжил:

– Но наш план дал трещину – те, кто должны были следить за всеми этими машинами полететь не смогут, и на всей нашей Земле больше нет специалистов, которые могли бы справиться с этой задачей.

Роб тут же сказал:

– Если мама с папой сделали эти машины, они справятся! – он посмотрел на Алису. – Вы же справитесь?

Алиса хотела что-то сказать, но не смогла и закрыла лицо руками. Роберт посмотрел на Макса:

– Пап, вы справитесь?

Макс попытался улыбнуться, но улыбка вышла совершенно грустной:

– Не в этом проблема, дружище. Если мы полетим, тебе придется лететь с нами, а...

Роб перебил:

– Так полетели! Я готов!

Макс сжал губы, на его глазах навернулись слезы. Я понял, что продолжать придется мне:

– Роб, когда мы только начинали планировать полеты, первой задачей, над решением которой бились дольше всего, было придумать, как космонавтам пережить сам полет, потому что даже до самой ближней из нужных нам планет на самом быстром корабле предстоит лететь почти девяносто два года.

– Но вы же летите, значит эту проблему решили?

Я кивнул:

– Решили. Научились омолаживать организм. Но у этой процедуры оказался неожиданный побочный эффект – после омоложения человек вообще переставал стареть. Но другого выхода нет – чтобы полететь, тебе придется пройти эту процедуру.

Роберт тихо спросил:

– И мне навсегда останется двенадцать лет?

Я мотнул головой:

– Нет, сначала организм закончит развитие, ты повзрослеешь до двадцати пяти лет, но после этого старение остановится.

Алиса меня перебила:

– Но это взросление ты проведешь на корабле в искусственном сне. И когда проснешься, то будешь тем же ребенком, что и сегодня, но в теле взрослого мужчины. Ты столько всего пропустишь! – испугавшись собственных слов, она закрыла рот руками.

Роб с минуту сидел молча, а потом задал очень взрослый вопрос:

– Вечная жизнь – это очень долго, ведь однажды мне надоест жить, что тогда? Я буду бесконечно страдать от скуки?

Я ответил:

– На самом деле ты боишься не бесконечной жизни, а бесконечной ответственности. Люди привыкли, что им отведено определенное время, и они отвечают только за него. Ес-

ли убрать ограничение по времени, ответственность за самого себя невероятно возрастает. Каждый космонавт вначале этого пугается и пытается найти какие-то отговорки. Кстати, скука – самая популярная из них.

Роб прищурился:

– Если есть такая процедура, почему всех людей на Земле не сделать бессмертными?

– Уже сейчас многие не доживают до старости по одной из многих причин, вызванных перенаселением. Как только мы сможем переселить людей, сразу дадим им возможность бесконечной жизни.

Роберт задумался, а потом посмотрел на меня глазами совсем взрослого человека:

– Тогда мы должны спешить.

Мы с Максом стояли на балконе его дома и смотрели в безоблачную ночь, залитую спокойным светом луны. Он спросил:

– А вдруг нам действительно однажды надоест?

Я пожал плечами:

– Пока что мне с каждым днем жить все интереснее.

Он вздохнул:

– Жалко оставлять эту планету. Раньше улетать было проще.

Я улыбнулся:

– Еще бы, здесь у тебя родился сын.

Мы помолчали. Из-за горизонта начала подниматься вто-

рая луна.

Макс сказал:

– Нет, сын остается со мной. Мне жалко людей этой Земли. Впервые мы оставляем планету с людьми, вынужденными стареть.

– Мы знали, что так будет, слишком мало места для жизни, поэтому и откладывали ее колонизацию до последнего. Зато каких-то сто двадцать семь лет, последняя станция будет запущена, и каждый человек сможет победить смерть.

Евгений Вальс, «МАЖОРНАЯ ПЕСНЯ ЦИКАДЫ»

Однажды вечером на краю открытой банки с вишнёвым компотом встретились рыжий таракан и самец цикады. Таракан уныло свесил усики, глядя куда-то мимо плавающих ягод, а цикада подсел к нему и затянул одну из своих минорных песен.

– Ты мешаешь моему самоубийству, – спустя минуту нервозно проговорил таракан.

– Может, я настраиваюсь на своё, – ответил незванный собеседник и тяжело вздохнул. – Тебя тоже изгнали?

– Я похож на того, кто хочет с кем-то пообщаться?!

Таракан раздражённо блеснул глазами и, потеряв равновесие, опасно качнулся внутрь банки.

– Ты определённо не готов! – заявил самец цикады, наблюдая, как самоубийца вцепился в край банки. – Только не думай, что я тут с миссией спасения прилетел.

– Может ты прыгнешь первым, избавив меня от своей компании...?

Цикада задумался. Зачем Создатель наделил его разумом? Если бы он меньше думал, то наверно не оказался бы здесь. Сидел бы себе на ветке ясеня и пел бы свои заунывные песни...

– А тебя за что изгнали? – вдруг спросил таракан.

– Я внёс диссонанс в ряды цикад, когда запел в мажоре.

Они назвали меня дефективным и вскоре изгнали.

– А ты действительно дефективный?

– ... Им, наверное, виднее...

– А как случилось, что ты запел в мажоре?

Таракан уже не смотрел в пустоту между ягод, и его усы заметно оживились. Цикада, обретя слушателя, рассказал историю, случившуюся совсем недавно. Он видел, как две маленькие птицы поссорились из-за червяка. Одна вытянула его клювом из почвы, а вторая попыталась отнять добычу. Они, хлопая крыльями, тянули червяка в разные стороны, пока не разорвали пополам. Отлетев друг от друга, птицы в испуге взмыли вверх и скрылись за листвой. Цикада в изумлении наблюдал за корчившимся на земле беднягой и с глупым видом спросил – не может ли он чем-то помочь?

– Не так ужасно, как вам кажется, – неожиданно бодрым голосом заговорил червяк.

– Но вас ведь порвали пополам!

– Я был один, а теперь обрёл брата близнеца...

И действительно, спустя какое-то время с цикадой заговорила вторая половина червяка, которую вначале он принял за хвост. От потрясения цикада ещё долго не мог прийти в себя. А когда очнулся, то сразу захотел запеть в мажоре. Родичи не оценили его нового взгляда на мир и изгнали.

Таракан внимательно выслушал его рассказ и сказал:

– Видимо случай с червяком – исключение, иначе ты бы не оказался тут.

– Да, в моём положении нет ничего позитивного, как наверно и в твоём... А, кстати, что произошло с тобой?

Рыжие усики вмиг поникли, и тяжёлый вздох вырвался из груди таракана.

– Ясно, – догадался рассказчик, – несчастная любовь?

Его унылый спутник опять качнулся в сторону плавающих ягод и не ответил.

– Что в этом может быть позитивного? – задумчиво проговорил цикада и тут же заключил: – Выход один: утопиться в компоте... Прыгай.

Таракан нагнулся, посмотрел на треснувшие и разбухшие в жидкости вишни и вдруг спросил:

– А всё ведь действительно так ужасно как мне кажется?

Цикада запечатлел на нём долгий взгляд, а затем изрёк:

– Ну, если только на миг допустить обратное... Если мыслить, как тот червяк, то можно было бы предположить, что сейчас ты попробовал нечто несъедобное, чтобы потом безошибочно узнать настоящее лакомство!

– Ты в это веришь? – с надеждой спросил его рыжий собеседник.

– Сейчас важнее, чтоб в это захотел поверить ты...

– Ну... если разорванный пополам червяк – не так ужасно, как нам кажется...

– Думаю, тебе стоит рассказать историю о червяке другим.

Таракан резво повернулся к вишневому компоту задом и, борясь с желанием поскорее покинуть край банки, взглянул на цикаду.

– А как же ты? Нужно обязательно найти положительные стороны в твоём изгнании.

– Не беспокойся обо мне, я их уже нашёл, – с лукавыми интонациями ответил его спаситель. – Полечу на поиски нового бедолаги, который не знает, что не всё так ужасно, как ему кажется.

Инна Подзорова, «САМОЕ ДОРОГОЕ»

Коробов сидел на кровати, сложив ноги по-турецки, и покачивался вперёд-назад. Глеб уже третий день пытался растормошить его, но это, разумеется, было бесполезно. Первая любовь ведь.

– Ты что-нибудь сегодня ел хотя бы? – спросил Глеб.

– А смысл? Чтобы что? – ответил Коробов.

– Чтобы жить, например.

– А смысл? Повторяю тебе: какой смысл?

– Ты серьёзно так по ней убиваешься? Ну было и было.

Я тебе с самого начала говорил, что она какая-то странная. Так бывает, у меня с первой тоже не сложилось. Ну и что?

– А ты свою с моей не сравнивай, – буркнул Коробов и лёг, отвернувшись к стене.

Глеб ушёл. В общежитии пахло чем-то приторным.

Через неделю состояние Коробова почти не изменилось, хотя есть он всё-таки начал. Глеб, будучи бедным студентом, не мог предложить Коробову квалифицированную психологическую помощь, но смог привести к нему Лену, которая как раз училась на психолога. Думал, что если не помогут её навыки, то он как минимум отвлечётся от самокопания.

– Давай начнём с самого начала. За что именно ты так

сильно ценил Олю? Ты можешь сформулировать, из-за чего именно тебе так больно?

Этот вопрос поставил Коробова в тупик. Помолчав минуты три, он ответил:

– Потому что у меня ничего больше и нет. Ну, в жизни. Друзей со школы и то не осталось. Родители далеко, да и не сильно что-то они обо мне беспокоятся. Оля... она заполняла собой всё. Как целая вселенная в одном маленьком человечке. А потом взяла и разрушила всё. Устала нянчиться со мной, видите ли.

Лена, мысленно согласившись с Олей, продолжила:

– Хорошо. Но ведь до Оли ты чем-то интересовался, верно? Учёбой, например. Или, может, что-то читал. Или творчеством каким-нибудь занимался.

– У меня руки-крюки, чтобы творчеством заниматься, – усмехнулся Коробов. – Про учёбу даже не напоминай. Меня такими темпами отчислят... А вот чтение...

Неожиданно Лена отметила, что у Коробова загорелись глаза. Кажется, она нащупала что-то важное.

– А вот чтение, – продолжил Коробов, – это да. Помню, я как-то погряз в одной книге... Там рассказывалось о проблеме вечной жизни. Мне там особенно понравилась теория о том, что в далёком будущем можно будет переносить наше сознание на искусственный носитель. И жить вечно. Только вот...

– Что, Олег?

– Только вот это всё имело смысл раньше, понимаешь. До Оли. А сейчас мне эта вечность, прости, до одного места. Я не знаю, как мне дальше быть, а ты тут про книги эти...

Выйдя из общежития, Лена позвонила Егору.

– Короче, я знаю, кто ему нужен. Покачалова.

– Это та сумасшедшая, что ли?! Зачем? – спросил Егор с явным недовольством.

– Меньше вопросов задавай. Только достань мне её, пожалуйста.

Антонина Сергеевна Покачалова и правда слыла городской сумасшедшей. Но она была таковой лишь для тех, кто не знал её по-настоящему. Антонина Сергеевна мечтала о возможности переноса сознания в компьютер. И однажды – смогла. Правда, сначала это был червь, число нейронных связей которого невозможно сравнить с человеческим. Но она не сдалась. К восьмидесяти годам она разработала технологию, позволяющую перенести сознание мыши в электронную форму. Принцип переноса был на удивление прост: считанная специальным устройством информация разделялась на несколько сотен частей и вносилась в базу данных. Кроме того, существовал отдельный документ, сохранявший информацию о делении на фрагменты и позволявший соединить их в единое целое без потерь.

Конечно, Антонина Сергеевна работала не одна – правда, остальные учёные, к сожалению, не дожили до наших дней. У неё был ученик, которому она планировала пере-

дать накопленные знания, поскольку видела в нём потенциал. А этот самый ученик, Кеша Степанов, когда-то учился в одной школе с Леной. Вот она, судьба.

– Антонина Сергеевна почти не ходит. Ей очень больно стало ходить сейчас. Если Лена так сильно хочет с ней встретиться – пусть приходит. Только предупреди меня заранее, я предупрежу Покачалову и вас проведу, – ответил Кеша на странное предложение Егора.

Встреча состоялась. Олег, замерев, не готов был пропустить ни единого слова из уст этой женщины. Несмотря на преклонный возраст, говорила Антонина Сергеевна прекрасно, да и вставная челюсть помогала формировать звуки правильно. Самым удивительным было то, что он ей поверил. Поверил в то, что казалось ему совершенно фантастическим.

Из универа Коробова всё-таки отчислили, в армию он был не годен, а посему главным его занятием стало усовершенствование технологии учёных, в том числе и Антонины Сергеевны. Разумеется, Кеша значительно превосходил его в знаниях, но даже он не мог превзойти Олега в энтузиазме...

Олегу исполнилось семьдесят два года. Кеши к тому времени уже не было на этом свете. Тем не менее, Олег не забыл о своей мечте. Он работал, несмотря на значительные и уже не шуточные проблемы со здоровьем. Он смог переносить сознание приматов на цифровой носитель. Ещё чуть-чуть –

и технология была бы доработана настолько, что люди наконец смогли бы обрести бессмертие. Ещё бы хоть пару лет...

Все удивлялись, что после Оли он так никого и не встретил. Только вот Олегу это уже не было нужно: его увлекло нечто большее и гораздо более значимое для него. Однажды он, уже еле-еле передвигаясь, встретил кого-то из старых знакомых, и тот после недолгого разговора спросил, не жалеет ли Коробов, что всё так сложилось.

– Честно? – ответил он. – Совершенно не жалею. Мне, знаешь, только за одно обидно: что я закончить работу не успею. Я бы хотел жить вечно, вот правда. Но... Но не могу. А ведь если бы успел доделать – жил бы всегда...

– И ты, выходит, совсем по ней не скучаешь? – улыбнулся знакомый, вспоминая Олю, дальнейшая судьба которой была неизвестна.

– По правде говоря, я только по одной скучаю, – с грустью ответил Олег. – По жизни.

Margaret Ruan, «БЕССМЕРТИЕ БЫЛО СЛАДКИМ»

Сегодня я проснулся в холодном поту. Его капельки скользили по моей голой спине. Сердце отбивало бешеный ритм. Я дышал с трудом. Осознание того, что сон, приснившийся мне, вовсе не кошмар, а реальность, что неизбежное всё ближе и ближе, накрыло с головой. Жизнь уходит. Утекает сквозь пальцы, как вода. И всё, что мне остаётся, это крупницы воспоминаний, которые усохнут вместе со мной. Любой из вас скажет: «странный страх». Все мы умрём одинажды. Но я не хотел. Не хотел умирать. Ни сейчас, пока я в расцвете сил. Ни потом. Больше, я хотел прожить больше.

Поднявшись с кровати, я отправился в душ. От прохладных капель воды мне стало легче. Но сон не отпускал. Я отчётливо видел своих внуков, с полными жизнью глазами и то, как я рассказываю им о самых счастливых моментах своей истории. Да, мне уже есть, что рассказать. Есть, что поведать. Но можно же и не допускать такой ситуации. Ведь я по праву могу считать себя учёным. Или, что же, не могу?

Горячий кофе привёл в чувства. Горький вкус на языке расплавил ночной кошмар. Оставил лишь лёгкую тревогу в сердце. За окном пролетела стая птиц. Я засмотрелся на них. Было бы прекрасно любоваться этим вечно. Голубым

небом с ватными обломками, ныряющими в потоки воздуха птицами, яркими солнечными лучами которые ловят дети внизу, создавая солнечных зайчиков. Дети смеются, им хорошо. Отчего-то на сердце разлилась приятная нега, я улыбнулся.

Любить этот мир было так просто. Зелёную листву летом, белые сугробы зимой. Осенью весело прыгать по лужам, а весной пускать бумажные кораблики по ручью. Любить этот мир мне было просто. Но задержаться в нем мне не давали возможность. Правда, я собирался вырвать её из рук жизни сам. Сегодня утром я решил найти бессмертие.

Научная лаборатория сияла своей белизной. Стоило мне зайти, как Дима, друг мой ещё с колледжа, подкатил ко мне на кресле.

– Эй, ты сегодня что-то менее улыбочивый, о чем задумался?

– Друг мой, – я положил ему руку на плечо – Сегодня великий день. Сегодня мы откроем бессмертие.

– Саш, я понимаю, что ты любишь жить, но это перебор. Да и бессмертие за один день не открыть.

– Да, – я пожал плечами, – но попытаться стоит.

– И с чего же мы начнём? – Дима интригующе улыбнулся.

– С победы над старением!

Неделю спустя Дима, конечно, уже ненавидел меня. Но я знал, как его подбодрить и мотивировать поработать. Ко всему прочему, мы были близки к победе.

– Нет, всё это бессмысленно, – в который раз взорвался друг, – я больше не буду этим заниматься.

– Выпивка, – спокойно ответил я.

– Меня этим больше не купишь.

– Путешествия.

– И этим тоже.

Я хитро улыбнулся.

– Представь себе, ты сможешь своими глазами узреть будущее. Даже больше, ты сможешь влиять на него. Новые технологии, новые открытия, новые виды организмов и просторы. Возможно, однажды ты отправишься жить на Луну.

– На луну не хочу, но ладно, уговорил.

Пару месяцев спустя был готов первый пробный чип и мы начали эксперименты на животных. Всё шло настолько гладко, что мне стало снова страшно. Но Дима уверил меня, что всё это заслуга наших трудов. Животные проходили ряд тестов. Особенно на устойчивость к электричеству. Нам стоило понимать, что может сломать чипы с нано-роботами. По моей задумке, это были универсальные помощники для организма. Они постоянно обновляли его химическими клетками. Мы устраивали эксперименты и с тем, могут ли они излечить от ран. Насколько быстро и какой сложности раны получается лечить. Эксперименты заняли год. Но раны заливать нанороботы так и не смогли. Зато отлично программировали новые клетки и омолаживали организм.

Ещё спустя полгода первый чип был внедрен мне. Я ощу-

тил изменения ночью. Сначала стало сложно дышать, затем тело показалось мне раскаленным, но температуры не было. А затем всё кончилось. Стало легко. Почти невесомо. Я вдруг понял, сколько неудобств испытывал всегда. Болела спина, ныли руки, натирали ботинки. Но вот все неудобства исчезли. словно меня одели в самый удобный костюм. Лёгкость переполняла тело. Хотелось танцевать, петь и кричать. Больше не было смерти впереди. Были путешествия. Были открытия. Были новые бесконечные дни. Я был доволен собой. Теперь предстояло решить другие вопросы. Менее важные. Такие как память, психическое здоровье, да и убийства с несчастными случаями никто не отменял. Но это можно было сделать завтра. Времени теперь было много. А сейчас? Сейчас я просто хотел сесть, закрыть глаза и насладиться этим ощущением. Бессмертие было сладким.

Николай Кадыков, «ТЕЧЁТ РЕКА»

– Мама, а куда течёт река? – маленький мальчик прильнул к матери и взглянул в её глаза.

– Никто не знает, сынок, – та погладила сына по голове и улыбнулась. – Река просто течёт, и нет ей ни конца, ни края.

Мальчик посмотрел на бесконечную водную гладь. Кругом, куда только не взгляни, была река. До самого горизонта впереди, за который заходило медленно тускнеющее солнце, оставляя за собой на воде яркую багровую дорожку.

– А куда мы плывём? – спросил мальчик немного спустя.

– Мы просто плывём, река сама несёт нас на себе, – показала головой мать. – Мы живем здесь, на плоту, и плывём по Великой Реке. С восхода солнца на закат, и так было всегда. И так будет всегда, и ничто не в силах изменить это.

Мать с сыном сидели на огромном плоту, сбитом из толстых бревен. Кругом стояли хижины, сделанные из веток, покрытые длинными сухими листьями. В середине плота стоял глиняный очаг, над которым в темнеющее небо поднимались языки пламени. Над огнём на прутьях жарилась крупная рыба, недавно пойманная одним из обитателей плота.

– Мы пьем воду из реки, ловим в ней рыбу, – продолжала мать. – Река приносит нам деревья, с их помощью мы чиним наш плот и наращиваем его, когда бывает нужно. Ветки мы

сжигаем в очаге, сделанном из глины, оставшейся на корнях деревьев. Из коры мы делаем большие корзины, которыми ловим рыбу. На некоторых деревьях мы находим вкусные плоды и ягоды. Из листьев и лозы мы делаем одежду. Великая Река дает нам всё, что нужно для жизни.

– А огонь? Его тоже дала нам река?

– Нет, сынок. Река не может дать огонь, она может только потушить его. Говорят, что давным-давно в наш плот ударила молния, и возник огонь. С тех пор люди поддерживают его, не дают угаснуть. Впрочем, никто этого уже точно не помнит. Зато мы все знаем, что огонь в очаге должен гореть – чтобы было на чем готовить еду. И еще огонь согревает нас, когда наступает зима.

Мальчик посмотрел в сторону очага, потом повернулся обратно к матери и спросил:

– А кто-нибудь пробовал прыгнуть с плота в воду и уплыть?

– С плота нельзя уплыть, глупыш, – улыбнулась мать. – Человек просто утонет в воде, река утянет его на дно.

– Но у нас же есть лодки? Вон там, за большой хижиной. Их там много, я сам видел.

– Река не отпустит лодку далеко от плота, – терпеливо объясняла мать. – Она так и будет плыть рядом.

– А как же дедушка? – нахмурился мальчик. – Он же вчера сел в лодку и уплыл, и река не вернула его.

Мать помолчала, печально глядя на реку. Потом ответила:

– Когда человек долго живет, то он однажды понимает, что пришёл срок уплывать. И тогда он садится в лодку, отталкивается от плота и плывёт в сторону берега. Только тогда река позволяет лодке уплыть от плота. Мало того, она сама уносит лодку туда, куда надо.

– А что потом? – быстро спросил мальчик, очень скучавший по деду, который проводил с ним много времени, пока остальные взрослые были заняты своими делами.

– Дедушка доберется до берега и выйдет на сушу. Там он отдохнет, и потом снова сядет в лодку. И река снова понесет его, но уже от берега.

– Он к нам вернётся? – мальчик с надеждой посмотрел на мать.

– Нет, сынок. Мы к тому времени будем далеко-далеко, и никакая лодка не сможет нас догнать. Но дедушка приплывет к другому плоту, их много на Великой Реке. И будет там жить, пока не придёт время нового отдыха.

Мальчик посмотрел вдаль. В той стороне, куда вчера уплыл дед, не было ничего, кроме воды.

– А вдруг берега нет? – спросил он. – Вдруг там только вода?

– Берег есть, и все про это знают. Иначе откуда бы к нам приплывали все деревья? Им для того, чтобы расти, нужна земля. А земля есть только на берегу. Конечно, земля есть и на дне, но до него не достать, река очень глубокая. На берегу есть не только деревья, а всякие диковинные рыбы, кото-

рые ходят по земле и даже летают над ней. Иногда, очень редко, они даже долетают до нашего плота. Когда я была еще маленькой девочкой, то видела, как надо мной пролетела большая белая рыба.

Мальчик надолго задумался, пытаясь представить – как могут выглядеть летающие рыбы. Наверное, они похожи на большие пузыри, которые здешняя детвора наполняет горячим воздухом у очага и запускает в небо. Но как рыба может ходить по земле, у нее же нет ног? Об этом мальчик решил спросить в другой раз, сегодня его волновали другие важные вопросы. Он посмотрел на темнеющее небо, показал на него рукой и спросил:

– А звезды тоже летают?

– Нет, малыш, – засмеялась мать. – Все звезды над нами тоже плывут по своей, Небесной Реке. Они очень, очень далеко от нас. Говорят, что там тоже есть миры, похожие на наш мир, и в каждом из них есть своя Великая Река. И там тоже есть люди, которые плывут по рекам на своих плотах.

Небо окончательно потемнело, люди на плоту разошлись по хижинам, только один человек остался у очага – следить, чтобы не угас огонь. На плоту сразу сделалось тихо. Мать оглянулась и строго сказала мальчику:

– Пора спать, малыш. Завтра мы с тобой еще поговорим, но на сегодня уже хватит.

Мальчик послушно поднялся и направился в сторону ближайшей хижины. Там он лег на толстую подстилку из сухих

листьев, но спать ему совсем не хотелось. Тогда мальчик стал представлять, как он вырастет, возьмет лодку, непременно доберется до берега и встретится там с дедушкой. Впрочем, мальчик быстро понял, что тогда он никак не сможет вернуться и больше не увидит маму. Тогда он отбросил эту идею и стал думать о том, что Небесная Река, наверное, течёт совсем не так, как Великая. Тогда можно будет добраться до других миров и посмотреть на людей, живущих там, и вернуться назад, к маме. Мальчик твердо пообещал себе, что так и сделает, как только вырастет. Ему уже семь лет, осталось совсем немного. И с этой мыслью он заснул, счастливо улыбаясь.

Деймас Рэд, «СОГРЕТЬ МИР В ЛАДОНЯХ РАЗУМА»

Дана легонько коснулась напряжённых плеч, ощутила холодную кожу и с сожалением сжала кулачки. Эвиль находился на самых глубоких уровнях вычислительной сети, и его тело не чувствовало сейчас ничего.

– Дана, перерыв через семь минут, – синтезированная речь звучала, совершенно неотличимая от настоящей, словно любимый негромко произносил слова над самым ухом, но женщина знала, что голос принадлежит не живому человеку, а лишь части его личности, не участвующей сейчас в поиске.

– Ты успеваешь? – женщина произнесла слова, набившие оскомину за миллионы повторений, с надеждой и упрямством.

Тишина в ответ звенела ещё большим упрямством человека, отдавшем себя решению великой задачи. Дана ещё раз провела тонкими пальчиками по плечам и села в кресло у иллюминатора. Вселенная умирала. Тёмная энергия раздвинула пространство уже настолько, что когда-то полный звёзд космос был залит чернотой полностью, лишь последнее искусственное солнце, собранное из остатков вещества, ровно, но неярко догорало в парсеке от вычислительного центра,

где Эвиль соединял своё сознание с машиной, чтобы найти все константы для запуска установки, которая вдохнёт жизнь в древние кости мироздания.

Остатки человечества, некогда расселившегося по нескольким галактикам местного скопления, ютились на гигантском Кольце, вращающемся вокруг светила, собирая его энергию и передавая на станцию.

Дана открыла канал связи с ретранслятором и обменялась данными. Прodelывая это вручную, женщина чувствовала свою нужность и избегала отчаяния и безумия. Она взглянула на Эвиля и засомневалась: может стоило взять с него пример и принять множественную форму: распределить сознание по носителям и меньше зависеть от эмоций? Тут же одёрнула себя. Последние дни своей жизни хотелось чувствовать, всей своей обнажённой душой чувствовать песчинки времени с очень острыми краями, в редкие минуты перерывов чувствовать тепло дорогого человека. Часы пискнули, показывая ровно три часа до конца, когда будет пройдена точка невозврата, и тепловая смерть вселенной станет неизбежной. Дана посмотрела на второе табло, показывающее время до завершения обсчёта задачи – на три секунды больше. Семьсот лет назад, когда Эвиль, открывший принципиальную возможность избежать смерти вселенной, запустил эти таймеры, разница была в шесть часов.

– Дана, – Эвиль поднялся с ложементa, отключаясь от машины, продолжающей усердно работать. Обнажённое тело

слегка блестело от холодного липкого пота. Он улыбался немного виновато и чуточку хитро.

– Ты что-то нашёл? – женщина напряглась.

– Не совсем, – учёный смахнул с себя наномашины очищения тела и сформировал лёгкую тогу, – Не стоит слишком обнадёживаться заранее – вычисления не закончены. А пока станция перезаряжается для следующего цикла...

– Последнего... – перебила Дана.

Эвиль хмыкнул и нехотя кивнул. Слова осыпались, как шелуха вызревших семян, утратив всякий смысл. Несовершенные биологические тела по подобию тех, что носили далёкие предки на заре цивилизации, давали силы осознать близкий конец и не сойти с ума. Ещё в этих архаично-мясных носителях ярче и острее ощущалась любовь: с дрожью, внезапными слезами, неслышимой музыкой в голове и каким-то сладким надрывом.

– Знаешь, а если бы люди не потратили десятки тысяч лет на бездумное потребление, то я бы уже решил задачу и запустил установку регенерации – Эвиль держал Дану в крепких объятиях и делился мыслями напрямую.

– Да, – телепатически ответила женщина и поцеловала. Она прекрасно знала, что наука развивается экспоненциально и потерянные когда-то века теперь сжимались в секунды, которых не хватало. Эмуляция развития общества показала, что не будь контрреволюции, а за ней третьей и четвёртой мировых войн на Земле, расчёты закончились бы дав-

ным давно, ещё при свете настоящих звёзд.

– Сегодня у людей первый выходной за последние семь веков, – мужчина кивнул на переливающееся серебристым светом Кольцо.

– Ты работаешь без отдыха в тысячу раз дольше, – со вздохом произнесла Дана, – Благодаря тебе у всех нас появился смысл... и надежда.

– Без их помощи я бы ничего не добился, – Эвиль нежно провёл рукой по волосам женщины, – В одиночку ни у кого из нас нет смысла.

Эвиль включил проектор, передающий объёмное изображение с поверхности Кольца. Большинство населения расположилось в парках. На зелёных лужайках сидели и вели неспешные беседы. Почти все использовали архаичные тела, лишь изредка встречались парящие над поверхностью облачка разумной плазмы или левитирующие кристаллы. Вдруг все замерли и повернулись лицами к телеметрическим модулям. Эвиль и Дана ощутили миллиарды взглядов на себе.

– Спасибо вам! – хор из множества мыслеформ окутал двоих теплом.

Эвиль ответил без слов, чистым потоком сознания, в котором заключил благодарность и надежду, а ещё он заранее просил прощения, если ничего не получится.

– Перезарядка заканчивается... – Дана сжала ладони любимого.

– Нужно продолжать... – мужчина нехотя освободился из ослабевших рук.

– Дай мне слово, что если ты не будешь успевать, то последние секунды мы проведём вместе. Я... – женщина не могла подобрать нужных слов, её губы тряслись, а из глаз катились крупные слёзы.

Эвиль не ответил, молча занял своё место. По его ещё тёплой коже забегали волны микроскопических машин, обеспечивающих максимально полное слияние ядра личности и разума человека с вычислительной станцией.

Дана вlepила себе звонкую пощёчину и села на пол возле ложементa. Она хотела верить в хорошее, но знала, что это не имеет значения в настоящем мире. «Мы не боги – мы лучше! И только разум спасёт нас,» – любил говорить Эвиль. Женщина свернулась в позу эмбриона на тёплом, мягком полу с ворсинками для сбора и переработки пыли, устало закрыла глаза и заснула. Впервые в своей очень долгой жизни.

– Прости меня... – Эвиль стоял на холме в привычном теле с очень тонкими конечностями и большими крыльями, сложенными за спиной. Ветер трепал несколько тонких перьев на макушке.

– За что? – женщина догадалась, что это сновидение, и тут же очнулась.

– Внимание! Дана! – громкий голос срывал остатки сна, – Внимание!

Взгляд первым делом метнулся к табло, которые показы-

вали одинаковые числа. Оставались считанные секунды.

– Эвиль! Ты успел! – женщина обняла лежащего, но ощутила страх от того, что тело любимого оставалось холодным и безжизненным.

Произошёл мощный толчок. Установка генерации нового мирового гравитационного поля наконец получила необходимый набор данных и запустилась. Последнее Солнце мигнуло и погасло, отдав всю энергию без остатка. Гигантское Кольцо замерцало и сгенерировало силовую защиту вокруг себя и вычислительного центра. Чёрный космос стал грязно-розовым, а потом взорвался белизной света. Цепная реакция высвобождала энергию чёрных дыр в бесконечном пространстве, порождая материю для звёзд и планет.

Дана с трудом поднялась на ноги и бросилась к Эвилю.

– Прости меня, – идеально эмулируемый голос снова звучал в самое ухо, только это была не часть сознания, а всего лишь заранее заготовленная запись, – Я не успел. Удалось отыграть «почти» три секунды, но всё ещё не хватало бесконечно малого отрезка времени... и я сжульничал. Многие миллионы лет я изучал законы мира, а значит моё сознание отражало вселенную в себе, вмещало самую точную копию, на какую способно. Я подставил вместо неизвестных данных свою личность целиком. Этого должно хватить. Надеюсь, что у меня получилось, и теперь мир бессмертен, а вам найдётся, чем в нём заняться.

Мария Будакас, «ПРОТЕЧКА»

– Анатолий Иванович, там авария! – взволнованно кричит стажер Лешка, хаотично машет руками и, пытаясь отдышаться, упирается потными грязными ладошками в колени, смотрит своими глазенками и чешет темный затылок.

– Участок какой? Что ты орешь беспорядочно? Просто трубу прорвало или целый узел? – исподлобья глядит на него Анатолий Иванович, средних лет мужичок с моложавой улыбкой, собирая инструмент в чемоданчик. – Всему вас, желторотых, учить надо. Это тебе не институт твой. Тут каждая минута на счету. Во всех смыслах.

– Узел! Узел! Там караул! Оно утекает! Надо срочно! – лопочет Лешка, будто бы меняясь в лице. – Шесть. Шесть. Двадцать-двадцать один.

– Рядом совсем. Поехали! А то вон дождь пошел, скоро листья желтеть начнут, если вовремя не ликвидировать протечку, а потом и вовсе снег.

– Как же так? – удивляется Лешка, и на лбу проступает морщинка негодования. – Это как ядерная зима, только без взрыва?

– Это хуже ядерной зимы и всех ее сценариев. – Они садятся в серый автомобиль с черными полосками на корпусе и знаком бесконечности, таким же, как на форменных нашивках. Сирена орет, требуя пропустить спецтехнику. Бла-

го пробок летом меньше – кто на даче, а кто и вовсе уехал из душного города, взяв путевку в санаторий, куда-нибудь в Минводы.

За окном неожиданно быстро темнеет, потом снова жарит солнце, и снова сумерки. Лешке кажется, будто он просто моргнул и все нормально. Но нет. Как ни успокаивай себя, пока они добираются до места, деревья действительно покрываются багрянцем с золотыми прогалинами. Дождь шпарит сильнее, размывая грунтовку, на которую они свернули. Свинцовое небо отливает дымкой, вот-вот готовое обрушиться на землю белоснежные хлопья. Лешка вглядывается в черноту: еще мгновение назад кроны шуршали цветными переливами, а сейчас нагие стволы одиноко высятся, освещаемые луной, провожая темные листочки, летящие в последний путь, машут им тонкими ветвями, истязаемые ветром.

– Плащ надень! – раздается вдруг в тишине голос старшего, и ему вторит гром, а небо рассекает тонкая полоска молнии. – ...Приехали, говорю! – снова выдергивает его из размышлений Анатолий Иванович. – Простудишься. Одевайся! И пошли! Время, как говорится, не ждет!

Оскальзываясь на глине, они бегут к узлу, из которого, преломляя окружающую действительность, сочится непонятная субстанция.

– Ключ на семнадцать! – вопит Анатолий Иванович, высовываясь из трубы. – Готовь аппарат, сейчас варить будем!.. Где листы? – Лешка бежит к машине, путаясь в брезентовом

плаще, капюшон давно слетел, и по серым волосам, стекают ручейки, забираясь под горловину и впитываясь в выцветшую футболку, которую, как ему помнится, он купил буквально в прошлое воскресенье.

– Вот! – протягивает он всю стопку.

– Дурак! По одному давай! – орет на него начальник, направляя речь крепким словцом.

Работа спорится. Вскоре протечку удастся заделать. Дождь прекратился, но ощутимый холод не дает расслабиться. На трубах и жухлой траве блестит иней, сковывая все. Природа застыла в ожидании – время застыло.

– Остановись, мгновенье! Как говаривал Иоган Вольфгангович. – Анатолий Иванович достает из портсигара сигаретку и неуверенно щелкает зажигалкой, пытаясь унять дрожь в руках. В уголках глаз залегли глубокие морщины, а так украшавшая его лицо улыбка искривилась, истончилась и побледнела. Лешка бросает взгляд на старшего товарища и от неожиданности приоткрывает рот: на него также исподлобья смотрит не статный мужчина лет сорока, а сухонький старичок с блестящей лысиной и седыми редкими волосами, как будто по макушке его течет бурная река, омывая глинистые берега с прошлогодней травой.

– Иваныч, ты... – заикается Лешка, тыча в него всей пятерней.

– Что, сильно постарел, да? – морщится тот, туша пальцами бычок. – Ты на себя посмотри, студент! Вон седина про-

глядывает.

– Но почему? – Лешка трет потемневшие щеки с жесткой щетиной.

– Тут эпицентр. Ты же видел, как в городе время быстро бежало. Там вон уж почти зима. А только час назад лето было. Вот, как говорят, лето пролетело незаметно. Это, думаешь, иносказание? Нет. Как авария на времяпроводе, так люди и не замечают, как недели проходят. И наша с тобой задача – эту аварию устранить, не то все в тартарары улетит. А тут оно скачет с совсем бешеной скоростью. Инструкций что ль не читал?

– Читал. Но там все термины, термины... И что теперь будет?

– Как что? Я на пенсию пойду. Ты за старшего. Варить-то умеешь? – Анатолий Иванович достает еще одну сигаретку и протягивает раскрытый портсигар Алешке.

– Ну, практика была у меня как-то, еще в лицее. – Руки сами тянутся за сигаретой, он подкуривает и давится едким дымом. – Иваныч, а сколько тебе лет?

– Выбора у тебя нет. Снова прорвет – будешь варить. А мне? Мне двадцать пять по паспорту. Это моя вторая крупная авария. И последняя. На пенсию пойду.

– Шутишь! Так ты немногим старше меня, выходит? – Привыкает, втягивает сизый никотин в легкие.

– Выходит. Ну ничего, ты справишься. Это в первый раз страшно, а потом привыкаешь. В основном мелкие протеч-

ки. Чаше камушки лист пробивают, когда Колесо истории уж очень интенсивно вращаться начинает. А так плановые замены по графику – рутина. Теперь, Алешка, время в твоих руках. Смотри, чтобы не протекало нигде, я еще пожить хочу.

Ирина Брестер, «КЛЮЧИ ОТ ВРЕМЕНИ»

Старец Фура-А сидел в своём чертоге и, поигрывая косматой бородой, рассуждал вслух.

– Так-с. Сегодня было два пришлеца. Первый засыпался на первом же вопросе, второму хотя бы удалось отжать ключик. Хотя, кому нужен ключ без замочной скважины? Эй, Фриик! – крикнул он.

– Я здесь, Ваша светлость! – в дверях показался маленький круглый розовощёкий лакей в длинной зелёной ливрее, плотно обтягивающей его по бокам и волочившейся по полу.

– Как там у нас обстоят дела со скважинами?

– Со скважинами? Сейчас посмотрю, – Фриик достал из-под полы большую тетрадь, на обложке которой было написано перьевой ручкой «Для работ по... ученика (цы) ... класса... школы» и т. д. Открыл первую страницу, приосанился и торжественным голосом зачитал. – «Нефтяные скважины дали течь ввиду неправильно организованных и проведённых бурильных работ. Последствия не устранены».

– Ужас! – поморщился Фура-А.

– Обедать будете? – поинтересовался Фриик.

– А что там на обед?

Фриик отложил в сторону тетрадь, достал из-под той же

полы маленькую записную книжку, открыл её примерно на середине и прочёл:

– Галеты барские, котлеты варварские, салат из зелени и песок из времени.

– Что значит «варварские»?

– Это значит, рубленые.

– Подавай, – Фура-А махнул рукой. А потом, спохватившись, спросил. – Что там слышно насчёт пришлецов? Сегодня ещё будут?

– На вечер заявлено двое. Сейчас ожидают в темнице.

– А что сразу в темницу? – удивился Фура-А.

– А они слишком напористыми оказались. Боялись, не удержим.

– Так давай их сразу ко мне.

– А котлеты?

– А котлеты потом. Успею ещё отобедать. Время есть.

– Есть «Мэллер», – пропел Фриик и, собрав все свои тетради и книжки, ушёл. Было слышно, как он топает своими короткими ножками по железной лестнице.

Старец Фура-А в ожидании задремал. А когда очнулся, возле него уже стояли два пришлеца в окружении стражников с большими алебардами и густыми бакенбардами.

– Ваша светлость, – обратился к нему один из стражников, – позвольте представить...

– Не надо, – Фура-А поднял вверх руку в знак протеста. – Представление – вещь опасная. А что если оно у вас иска-

жённое, неправильное? Что тогда? А? – стражники молчали. – Вот вам моя первая загадка. Отгадывайте!

– Мы? – удивились стражники. – Но мы не за этим сюда пришли.

– А зачем?

– Мы пришлецов привели.

– А то бы они сами не додумались прийти! – проворчал Фура-А. – Мой чертог на самой высокой башне замка стоит. Его с моря далеко видно.

– Знаем.

– А раз знаете, то и нечего мешать другим. Сами доберутся. Человеку только цель задай – он к ней вплавь по морю отправится, пешком пустыню пересечёт. Если, конечно, захочет. Ступайте! – кивнул он стражникам, и те попятились назад. – Да смотрите не поскользнитесь! – напомнил Фура-А, услышав несколько громких ударов об пол, напоминающих падение, и последующую за ними ругань. – А теперь познакомимся с вами, – и он перевёл взгляд на двух молчаливо жавшихся друг к другу пришлецов. Одеты они были одинаково – в оранжевые комбинезоны и синие телогрейки. На ногах – сапоги, на головах – каски. – С чем пожаловали?

Пришлецы переглянулись, и один из них заговорил:

– Нам бы это... ключи от времени получить.

– Неужели? – притворно поразился Фура-А. – А вы думаете, что вы единственные, кто сюда за ключами приходит?

– Нет. Мы вообще не думаем. Нам запретили.

– Кто?

– Начальник. Сказал: на работе думать вредно. Вот мы и не думаем, а только работаем.

– А как же можно работать, не думая?

– Можно, – хором сказали пришлецы. – У нас можно.

– У вас – это где?

– На стройке.

– Вон оно что... – протянул Фура-А. – А что строите?

– Строим мы громаду поднебесную для одного почтенного гражданина из нашего города. Только он велел имени его никому не раскрывать, потому что в городе он на хорошем счету. Меценатством занимается. А если кто-нибудь узнает, что у него ещё и счета заграничные есть...

– Можете не продолжать. С вашим почтенным гражданином мне всё ясно. А вы-то сами чего хотите?

Пришлецы снова переглянулись.

– Хотим ключи от времени получить, чтоб научиться им управлять. А то, сколько живём на свете, получается, так и не научились своим временем распорядиться.

– И думаете, что с ключами вы этому научитесь?

– Попробуем. Может, что-то из этого выйдет.

– Что-нибудь обязательно выйдет, – заметил Фура-А. – Может, даже и не то, что вы хотели. А впрочем, давайте попробуем, – он подошёл к глубокому креслу, стоявшему возле окна, со вздохом опустился в него. Прикрыл глаза. Какое-то время он молчал, и пришлецы подумали, что он снова по-

грузился в дрему. Но Фура-А неожиданно заговорил, и они вздрогнули от неожиданности. – Вот вам моя первая загадка.

Время – песок,
летит на запад, на восток,
через север, через юг,
возвращается, сделав круг.

Лишь коснётся земли,
Станут в море корабли.

О чём это я?

Пришлецы молчали, переглядываясь. А Фура-А, изловчившись, вытащил из-под кресла песочные часы, поставил на столик перед пришлецами и сказал:

– У вас ровно минута, чтобы дать ответ.

– Мы не знаем.

– Подумайте. Ещё есть время.

Пришлецы, как замороженные, смотрели на утекающий песок.

– Вы будете отвечать или нет? – строго спросил Фура-А.

– Нет, – сказали пришлецы. – Не будем. Не знаем мы ответа на этот вопрос. И думать не можем. Нам же запретили.

– Тьфу на вас! – плюнул с досады Фура-А. – Зачем тогда пришли? Время своё отняли и моё тоже.

– Так мы ж не знали... – начали оправдываться пришлецы.

– Ладно, будет с вами! Управлять, говорите, временем хотели? – Фура-А прищурил один глаз. – А что это, по-ваше-

му, «управлять»?

– Мы не знаем. Мы хотели у вас научиться.

– То есть, пришли туда, не зная куда, за тем, не зная, чем?

– Ага! – кивнули пришлецы с явным недоумением на лицах.

– Ну, что ж, тогда идите дальше, – сказал Фура-А. – Может, ещё что-нибудь найдёте.

– А вы нас разве учить не будете?

– Я – нет. Жизнь научит. И думать заставит.

– А ключи от времени?

Фура-А тяжело поднялся, подошёл к ним.

– Да нет никаких ключей. Всё это выдумки, которые сами же пришлецы и сочинили. Идут сюда все кому не лень, а зачем, спрашивается? Кому ключи от рая нужны, кому – от времени. Неужели вы верите, что такие ключи, и впрямь, существуют?

– А разве нет?

– Нет! Нет замочной скважины – нет ключей. Двери всегда открыты, – тут Фура-А подмигнул им и хитро улыбнулся. – Нужно лишь уметь эту дверь найти. А если нашли, то заходите смело – не бойтесь. Поняли?

– Ага!

«Ни черта вы не поняли», – подумал Фура-А, но вслух этого не сказал.

Попрощавшись с пришлецами, он позвал к себе Фриика.

– Я здесь, Ваша светлость! – отвечивал он. – Что, обед

подавать?

– Не надо. Раздумал я что-то. Принеси лучше молока. Козьего. В горле першит.

– Я мигом, Ваша светлость! Кстати, а что там пришлецы?

– Да всё, как всегда. Искали ключи от времени, а того не знали, дурни, что ключи эти давно уже у них в руках. Не видят ничего вокруг. Себя самих не видят!

– Так вы ж говорили: стоит только человеку дать цель...

– Говорил. Так оно и есть. Только цель – далеко впереди. И перед тем, как к ней идти, надо вокруг себя посмотреть. Может, всё, что нужно, уже рядом? Может, идти никуда и не понадобится?

Уважаемые читатели! Автор, создавая сие произведение, ни в коей мере не имел в виду умышленно оскорбить или задеть чувства людей рабочей профессии, именуемыми строителями. Также в замысел автора ни коим образом не входило запятнать светлый образ благородных меценатов из числа почтенных горожан. Вся история – не более чем вымысел, не претендующий ни на какое право быть «офилософствованным». Но ежели решится кто на такое, пусть это будет его правом.

Екатерина Талькова, «ИЗ ПЕТЛИ»

Этот день был так же прекрасен, как и все остальные дни до него.

Семён Владимирович уже и не мог вспомнить, когда в последний раз его жизнь омрачал дождь. Одно и то же солнце назойливо пробивалось сквозь окно утром, ближе к полудню скрывалось за облаками и через час вновь показывалось, чтобы светить до конца бесконечного дня. Даже кофе, когда-то освежавшее по утрам, больше не приносило удовольствия. Всё стало однотипным. Неизменным. Даже мысли точь-в-точь повторялись изо дня в день, точно фильм перематывали к началу раз за разом.

Это было бы невыносимо, если бы простой человек не научился привыкать ко всем ненастям в жизни. И Семён Владимирович, к своему удивлению, быстро приспособился и к солнечной погоде, и к безвкусному кофе.

Ровно в семь утра Семён Владимирович проснулся, машинально побрёл в ванную, чтобы привести себя в порядок, и принялся за уборку гостиной. Каждое утро она встречала его мусором и бесконечными слоями пыли. «Нет, – думал Семён Владимирович точно так же, как думал вчера или позавчера. – Так не пойдёт. Гости должны радоваться чистоте, а не моему беспорядку!»

Гости же приходили к Семёну Владимировичу в одина-

дцать часов. А если быть точнее, всего лишь один гость, но по наводимой суете он не уступал шумной компании друзей.

Семён Владимирович, готовый к встрече, мирно сидел в кресле и в сотый раз читал одну и ту же статью, изредка поглядывая на стол, практически всю поверхность которого занимала толстая верёвка. Он знал все слова наперёд, поэтому нисколько не волновался «неожиданным» новостям, которыми хотел поделиться Афанасий, его гость. Все варианты разговора и так были прекрасно изучены.

Без пяти одиннадцать в дверь небрежно постучались. И едва Семён Владимирович, неспеша добредя до прихожей, повернул замок, Афанасий влетел в дом с радостными криками:

– Ты даже не представляешь, что я тебе сейчас скажу!

Семён Владимирович насмешливо улыбнулся, но всё же решил проявить небольшое уважение:

– Абсолютно не представляю.

– О, ты не поверишь мне! Ты не представляешь, как я счастлив! Ты станешь первым, кто узнает об этом!

Глаза Афанасия светились такой наивной радостью, что на душе у Семёна Владимировича резко стало дурно. Невольно сжались его кулаки. Странная жажда поскорее стереть эту неизменную улыбку отбило желание притворяться тактичным, и Семён Владимирович победно прошипел:

– Бессмертие не такая весёлая вещь, как ты думаешь.

Спускайся с небес на землю, старик. Твоему сыну, честно говоря, не повезло.

Афанасий вздрогнул, застыв в изумлении. От повисшей тишины Семён Владимирович восторжествовал.

– Ты... откуда?.. – еле выдавил из себя Афанасий. – Это же...

– Секретная привилегия? – Семён Владимирович горько усмехнулся, падая в кресло. – Знаю-знаю. Сто человек в год, избранные и тому подобные... Ну ты садись, старик! Могу перечислить всех этих «избранных», рассказать об обязанностях, которые лягут на тебя... Допьёшь мой кофе, кстати? Мне что-то уже не хочется.

Афанасий побеждённо сел, дико уставившись на приятеля. Тот лишь покачал плечами, дескать ничего необычного не происходило, а его размышления о бессмертии не запретная государством тема. Хотя Семён Владимирович и так прекрасно знал, что малейшая попытка поделиться таким секретом вела к страшной участи, похуже смерти.

В иные дни Семён Владимирович бы упрекнул приятеля за столь легкомысленный поступок. Мало того, что его сын рассказал ему о своём счастье, так Афанасий пошёл распространять информацию дальше. Однако Семён Владимирович знал все ответы. Знал, что сначала приятель побледнеет, начнёт глупо оправдываться, а потом и вовсе обидится то ли на него, то ли на себя. Настроение портить сегодня не хотелось.

– Так откуда ты знаешь? – спросил побледневший Афанасий. – Раз всё так засекречено.

– Ты мне сам рассказал, – невозмутимо отвечал Семён Владимирович.

– Чего? Я только сегодня знавал про...

Семён Владимирович, ухмыляясь, обвёл рукой убранную гостиную. Она казалась идеально чистой, вылизанной. И на самом видном месте, на резном дубовом столе, красовалась та самая бесконечная верёвка, затянутая в петлю.

– Я знаю, что ты не откажешься, – ухмыльнулся Семён Владимирович, довольный изумлённым выражением лица Афанасия. – Знаю, что ты мне скажешь, старик. Но я не устану повторять: откажись. Откажись от пытки, на которую обречёшь сына.

– Чего ты собираешься делать? – ошарашенно выпалил Афанасий.

– Вернее, что я уже сделал?

Семён Владимирович слышал один и тот же разговор сотню раз. Однако как же менялась суть, когда он переставлял всего одно слово! Разные эмоции и мысли, разные исходы и послевкусия после прожитого дня. Казалось, в стенах гостиной они обсудили всё, что только можно: начиная от обычного бессмертия и заканчивая заумной квантовой механикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.